g 49/1205

К. П. Прокопьевъ.

ШКОЛЬНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ ИНОРОДЦЕВЪ КАЗАНСКАГО КРАЯ

ВЪ XIX ВѢКѢ

ДО ВВЕДЕНІЯ ПРОСВѢТИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ Н. И. ИЛЬМИНСКАГО.

КАЗАНЬ.
Центральная Типографія.
1905.

Э 49/1205

К. П. Прокопьевъ.

ШКОЛЬНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ ИНОРОДЦЕВЪ КАЗАНСКАГО КРАЯ въ XIX вѣкѣ

ДО ВВЕДЕНІЯ ПРОСВѢТИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ Н. И. ИЛЬМИНСКАГО.

Румянцов. Музеи. Публич. Библіотека

КАЗАНЬ.
Центральная Типографія.
1905.

Печатать разрѣшается 24 іюня 1905 г. И. д. Ректора Академіи, Инспекторъ Протоіерей *Н. Виноградовъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Православный Собесѣдникъ“ за 1905 годъ.

2007056148

I.

Школьное дѣло среди инородцевъ Казанскаго края при Императорѣ Александрѣ I.

Школьное просвѣщеніе инородцевъ до XIX вѣка было, можно сказать, только въ зачатномъ состояніи. Для многотысячнаго и разноплеменнаго инородческаго населенія Казанскаго края имѣлась единственная школа въ г. Казани, а въ селахъ и деревняхъ, среди самихъ инородцевъ, не было ни одной школы. Весь XVIII вѣкъ далъ всего только нѣсколько сотъ полуграмотныхъ инородцевъ, которые, не оказавъ почти никакого вліянія на своихъ соплеменниковъ, слились и затерялись въ общей массѣ темнаго инородческаго населенія или въ средѣ русскаго духовнаго сословія. Хотя до XIX в. школы были большою рѣдкостью и въ средѣ русскаго населенія, но тѣмъ не менѣе встрѣчались кое-гдѣ: то при церквахъ, открытыя и поддерживаемыя духовенствомъ, то при усадьбахъ помѣщиковъ, заботившихся о просвѣщеніи своихъ крестьянъ. А для инородцевъ не кому было открывать школы. Мѣстное духовенство, чуждое имъ по языку и по своимъ симпатіямъ, стоявшее почти во враждебныхъ или, по меньшей мѣрѣ, въ чиновническихъ отношеніяхъ къ своимъ пасомымъ—инородцамъ, далеко не было подготовлено къ тому, чтобы заботиться объ открытіи школъ для инородцевъ. Помѣщиковъ вблизи инородцевъ не было, такъ какъ большинство инородцевъ были государственными и дворцовыми крестьянами. А правительство, какъ извѣстно, до самаго конца XVIII в. не принимало почти никакихъ мѣръ къ распространенію образованія между сельскимъ населеніемъ. Только съ началомъ XIX в. правительство приступаетъ къ мѣропріятіямъ въ интересахъ распространенія грамотности

и образованія между сельскимъ населеніемъ вообще и между инородцами въ частности.

Начало XIX вѣка совпадаетъ со вступленіемъ на престолъ Императора Александра I, высоко цѣнившаго просвѣщеніе и видѣвшаго въ немъ главное основаніе народнаго благосостоянія. Тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, а затѣмъ и въ продолженіе всего своего царствованія, Государь Императоръ заботился о развитіи дѣла народнаго образованія. Первою существенной мѣрою въ этомъ отношеніи является учрежденіе въ 1802 году, въ числѣ новообразованныхъ семи министерствъ, Министерства Народнаго Просвѣщенія. 24 января 1803 г. Россія раздѣлена на учебные округи, а 26 числа того же мѣсяца и года учреждены „Правительственныя правила Народнаго Просвѣщенія“ [1]), которыя 5 ноября 1804 г. замѣнены уставомъ учебныхъ заведеній [2]). По этому уставу въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и въ селеніяхъ всякій церковный приходъ или 2 прихода вмѣстѣ должны имѣть по крайней мѣрѣ одно приходское училище. Приходскія училища въ селеніяхъ ввѣряются приходскому священнику и одному изъ почетнѣйшихъ жителей (§ 118). Цѣль приходскихъ училищъ двоякая: 1) приготовить юношество для уѣздныхъ училищъ [3]), 2) доставить дѣтямъ земледѣльческаго и другихъ сословій свѣдѣнія, имъ приличныя, сдѣлать ихъ въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ лучшими, дать имъ точныя понятія о явленіяхъ природы и истребить въ нихъ суевѣрія и предразсудки, дѣйствія коихъ столь вредны ихъ благополучію, здоровью и состоянію (§ 119). Въ сихъ училищахъ обучаютъ чтенію, письму и первымъ дѣйствіямъ ариѳметики, главнымъ началамъ Закона Божія и нравоученія, читаютъ съ объясненіемъ книгу: Краткое наставленіе о сельскомъ домоводствѣ, произведеніи природы, сложеніи человѣческаго тѣла и вообще о средствахъ къ предохраненію здоровья. Приходскія училища содержатся въ городахъ отъ городскихъ обществъ, въ казенныхъ селеніяхъ—на средства прихожанъ, въ селеніяхъ помѣщичьихъ—на средства помѣщиковъ (§ 162).

---

[1]) Пол. Собр. Зак., №№ 20597 и 20598.

[2]) Пол. Собр. Пост. по М. Н. Пр., т. I, № 47.

[3]) По уставу всѣ учебныя заведенія были раздѣлены на 4 разряда: а) университеты, б) гимназіи, в) уѣздныя училища и г) приходскія училища, при чемъ училища низшаго разряда должны были служить ступенью для церехода въ училища непосредственно слѣдующаго высшаго разряда.

По отношенію къ инородческимъ мѣстностямъ Св. Синодъ высказалъ тогда мысль о необходимости употребленія мѣстнаго инородческаго языка и инородческихъ переводовъ при обученіи молодого поколѣнія (въ школахъ), такъ и взрослаго инородческаго населенія. „Въ селеніяхъ обратившихся въ Православную вѣру Грекороссійскаго исповѣданія,—читаемъ мы въ вѣдѣніи Синода Сенату,—какъ-то: Корелъ, Черемисъ, Мордвы, Вотяковъ, Татаръ, Чувашъ и прочихъ, коихъ дѣти по русски не разумѣютъ, учить священно и церковно-служителямъ въ школахъ и церквахъ наставленіе производить на ихъ природномъ языкѣ дотолѣ, доколѣ всѣ ихъ прихожане отъ мала до велика разумѣть будутъ совершенно Россійскій языкъ, а для преподаванія такового ученія и можно будетъ употребить на первый случай назначенныя Св. Синодомъ къ изданію въ печать книги на Россійскомъ языкѣ съ переводомъ на упомянутые, содержащія въ себѣ церковныя молитвы, символъ вѣры, десятословіе и катихизисъ, каковыя книги для сихъ обращенныхъ въ вѣру Греческаго исповѣданія народовъ могутъ послужить къ лучшему вразумленію ихъ и понятію о богопочитаніи и истинномъ познаніи святости христіанской вѣры. И для того въ тѣ села во всѣ священнослужительскіе чины, открываться имѣющіе, производить или изъ семинаріи тамошнихъ уроженцевъ, знающихъ непремѣнно употребляемый тамъ языкъ, или и самыхъ жителей, обучая послѣднихъ первымъ дѣйствіямъ ариѳметики въ семинаріи“ [1]).

Въ то же время заботу о просвѣщеніи крестьянскаго населенія принимаетъ на себя образованное въ 1797 году Удѣльное Вѣдомство. Въ § 194 учрежденія объ Императорской фамиліи, между прочимъ, было указано, что „экспедиціи Удѣловъ обязаны стараться заводить во всякомъ приходѣ, при церквахъ, школы, кои состоять должны подъ особымъ надзираніемъ приходскихъ священниковъ“. Чтобы „установленіе сіе не оставалось безъ успѣха“, чтобы склонять крестьянъ посылать своихъ дѣтей въ школы, Удѣлъ предоставилъ родителямъ учениковъ нѣкоторыя льготы: отцы отличившихся въ ученіи дѣтей освобождались отъ дачи подводъ въ первые два наряда, семейства обучавшихся крестьянскихъ дѣтей освобождались отъ рекрутской очереди [2]).

---

[1]) П. С. Пост. по М. Н. Пр., т. I, стр. 353.

[2]) Исторія Удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія 1797—1897 гг. СПБ. 1902, стр. 374 и 375.

Указанныя мѣропріятія правительства встрѣчены были современниками съ величайшимъ сочувствіемъ и съ самыми свѣтлыми ожиданіями, но существеннаго значенія въ дѣлѣ распространенія грамотности среди населенія-не только инородческаго, но и русскаго-они не имѣли. Причина этого заключалась въ томъ, что правительство вовсе не давало средствъ на устройство и содержаніе сельскихъ школъ. Тогда какъ гимназіи и уѣздныя училища по новому уставу получали содержаніе отъ казны, съ дополненіемъ (для уѣздныхъ училищъ) изъ суммъ городскихъ обществъ, расходы по устройству и содержанію приходскихъ училищъ возложены были всецѣло: въ городахъ-на городскія общества, въ помѣщичьихъ селеніяхъ-на помѣщиковъ, а въ казенныхъ селеніяхъ-на самихъ поселянъ, не исключая и инородцевъ. А такъ какъ громадное большинство инородцевъ Казанскаго края были казенными и удѣльными крестьянами, то заводить и содержать школы они должны были исключительно на свои средства. Но этого можно было ожидать отъ инородцевъ только въ томъ случаѣ, если-бы они сознавали всю громадную важность и необходимость образованія. А такъ какъ это сознаніе совершенно отсутствовало тогда у инородцевъ, то у нихъ не зарождалось и мысли объ открытіи школъ. Трудно было добиться отъ нихъ согласія на открытіе школы даже въ томъ случаѣ, если-бы правительство само отпустило имъ средства на устройство и содержаніе школы. Но правительство эпохи Александра I, не давая никакихъ средствъ, ограничило свою дѣятельность только указаніемъ порядка открытія и организаціи школы и контролемъ надъ школами. Такъ, въ указѣ 1822 г. читаемъ: „инородцы имѣютъ право отдавать своихъ дѣтей для обученія въ учрежденныя отъ правительства учебныя заведенія, имѣютъ право заводить и собственныя школы, но не иначе, какъ съ позволенія гражданскихъ губернаторовъ или областныхъ начальниковъ“ [1]). Но въ томъ-то и дѣло, что инородцы, не сознавая необходимости образованія, совсѣмъ не желали пользоваться правомъ обучать своихъ дѣтей въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, ни, тѣмъ болѣе, заводить на свои средства собственныя школы.

Въ 1822 году попечитель Казанскаго учебнаго округа г. Магницкій сдалъ Совѣту Казанскаго университета предложеніе объ учрежденіи подвижныхъ ланкастерскихъ школъ взаимнаго обученія для поселянъ мордвы, черемисъ, чувашъ и дикихъ народовъ Кавказа и Сибири. Совѣтъ уни-

[1]) П. В. З., т. XXXVIII, № 29, п. 126.

верситета въ томъ же году предложилъ директорамъ народныхъ училищъ предоставить по сему вопросу свои соображенія. Директора народ. училищъ чрезъ штатныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ и при содѣйствіи мѣстныхъ преосвященныхъ и губернаторовъ стали собирать свѣдѣнія о мѣстахъ и средствахъ для открытія указанныхъ школъ. Въ результатѣ оказалось, что инородцы повсемѣстно, за рѣдкими исключеніями, не желали имѣть у себя школу. Такъ во всей Вятской губерніи только два общества изъявили согласіе открыть школу на свой счетъ [1]). Такіе же результаты оказались, по всей вѣроятности, и въ другихъ губерніяхъ. Относительно извѣстенъ намъ такой фактъ. 30 іюня 1822 г. Казанскій вице-губернаторъ сдѣлалъ предложеніе Земскому суду Шуматовскаго волост. правленія, Ядрин. у., о доставленіи свѣдѣній о средствахъ и мѣстахъ учрежденія ланкастерскихъ подвижныхъ школъ для черемисъ, чувашъ и прочихъ инородцевъ. Земскій судъ, выслушавъ это предположеніе, въ свою очередь сдѣлалъ запросъ въ Шуматовское вол. правленіе, которое отъ 23 августа того года отвѣтило, что мѣстные чуваши на учрежденіе школъ желанія не имѣютъ [2]).

Такимъ образомъ, правительственныя мѣропріятія остались безъ осуществленія.

Но этимъ мы не хотимъ сказать того, что въ эпоху Александра I школъ совершенно не было среди инородцевъ. Благодаря личному усердію нѣкоторыхъ рѣдкихъ личностей изъ среды духовенства, школы все-таки существовали въ рѣдкихъ инородческихъ селеніяхъ, ютясь то въ церковныхъ караулкахъ, то въ собственныхъ домахъ священниковъ. Средства содержанія эти скромныя разсадницы грамотности получали то отъ церквей, то отъ тѣхъ же безкорыстныхъ священниковъ, съ пособіемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, отъ самихъ крестьянъ. Учительскій трудъ въ этихъ школахъ несли тѣ же священники за ничтожное вознагражденіе отъ прихожанъ, или же совсѣмъ безплатно. Казалось-бы, благородныя стремленія этихъ безкорыстныхъ труженниковъ заслуживали всяческаго поощренія и если не матеріальной, то хоть нравственной поддержки со стороны власть имѣющихъ, Но на дѣлѣ вышло не такъ. Напротивъ, эти безкорыстные труженики встрѣтили со сто-

---

[1]) См. брош. г. Луппова „Народ. образованіе среди вотяковъ“ стр. 40.

[2]) Изъ рукописи покойнаго В. В. Магнитскаго. „Школьное образованіе и нѣкоторыя черты нравственной жизни чувашъ Ядринскаго уѣзда“.

роны правительства препятствіе къ осуществленію своихъ просвѣтительныхъ стремленій. Дѣло въ томъ, что Министерство народнаго просвѣщенія особымъ циркуляромъ отъ 23 дек. 1811 г. разъяснило, что 5% сбору, взимаемому по Высочайшему повелѣнію отъ 25 мая 1811 г. съ содержателей частныхъ пансіоновъ, должны также подлежать и содержатели частныхъ институтовъ, домашнихъ училищъ и другихъ, подъ какимъ бы то ни было названіемъ, частныхъ учебныхъ заведеній, т. е. всѣ домашніе учителя грамоты обязывались платить въ казну 5% съ платы, получаемой ими съ учениковъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого, именно отъ 30 янв. 1812 г., вышло еще распоряженіе о томъ, чтобы всѣ учителя пріобрѣли свидѣтельства, дающія имъ право преподаванія, и чтобы всѣ неаттестованные прекратили обученіе [1]). Послѣ этого начались полицейскіе розыски домашнихъ учителей и требованія съ нихъ 5% сбора. Распространивъ силу указанныхъ распоряженій и на духовенство, мѣстами, напр. въ Казан. учебн. округѣ, стали требовать 5% сборъ и съ тѣхъ священно-церковнослужителей, которые занимались обученіемъ дѣтей въ собственныхъ домахъ. Священникамъ, конечно, показалось крайне обиднымъ такое несправедливое требованіе и они не замедлили выразить вполнѣ естественный протестъ. Протопопъ г. Слободского, Вятск. губ. о. Георгій первый отказался отъ взноса 5% сбора, а за нимъ и другіе. Вятская дирекція потребовала отъ нихъ взноса черезъ Консисторію, но Консисторія вполнѣ законно приняла сторону духовенства. По этому поводу началась между Консисторіей и директоромъ длинная переписка, принимавшая иногда (со стороны директора) довольно рѣзкій характеръ. Дѣло дошло до высшихъ инстанцій. Вслѣдствіе доношенія Вятскаго преосвящ. Гедеона, Св. Синодъ черезъ Оберъ-Прокурора объяснилъ министру Нар. Просвѣщенія, что обученіе священно-церковно-служителями дѣтей прихожанъ Россійской грамотѣ—читать, писать и молитвамъ Господнимъ—нельзя подводить подъ правила, для гражданскихъ училищъ и пансіоновъ установленныя, такъ какъ занятіе это наиболѣе свойственно званію приходскаго духовенства. ибо соотвѣтствуетъ оно одной изъ главнѣйшихъ его обязанностей, учить прихожанъ своихъ благонравію и закону Божію, исполненіе которой тѣмъ благоуспѣшнѣе быть можетъ, если дѣти самимъ же духовенствомъ будутъ научаемы и грамотѣ, такъ что приходское духовенство, пріем-

---

[1]) Лупповъ. Народ. образов. среди вотяковъ, стр. 41—42.

лющее на себя трудъ обученія дѣтей, въ особенности безмездно или безъ положительной платы, не токмо не должно подлежать той повинности, какую обязаны нести содержатели пансіоновъ, но заслуживаетъ отъ начальства одобренія, какъ за назидательный подвигъ; а требованіе съ священниковъ пріобрѣтать свидѣтельства на званіе учителя, подвергаясь особому испытанію, и неумѣстно, и оскорбительно для нихъ [1]). Министръ согласился съ мнѣніемъ Св. Синода и сдѣлалъ соотвѣтствующее распоряженіе, дабы постановленія Министерства относительно 5% сбора и полученія свидѣтельствъ не были распространены на священно-церковно-служителей, занимающихся обученіемъ дѣтей своихъ прихожанъ предметамъ начальной школы. Синодъ увѣдомилъ объ этомъ особыми указами отъ 22 іюня 1814 г. всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ [2]). Такимъ образомъ, духовенство, благодаря Вятскому епархіальному начальству, отстояло свое право учительства. Свѣтскіе же частные учители должны были прекратить свою дѣятельность. Въ канцелярію Вятскаго директора поступали въ это время такого рода доношенія: „частныхъ училищъ нѣтъ, такъ какъ стараніемъ г. городничаго они всѣ закрыты“ [3]).

Но и школы духовенства существовали не долго. Не получая никакого вознагражденія, не имѣя ни времени, ни средствъ для поддержанія своихъ школъ, не видя особеннаго сочувствія къ своимъ трудамъ со стороны начальства, священно-церковно-служители постепенно охладѣли къ школьному дѣлу, такъ что изъ школъ духовенства уцѣлѣли не многія. Когда въ 1828 году по случаю отступническаго движенія былъ поднятъ вопросъ, между прочимъ, и о школьномъ просвѣщеніи инородцевъ, то оказалось, что школъ въ инородческихъ приходахъ совсѣмъ почти не имѣется.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло народнаго образованія въ Казанскомъ краѣ до вступленія на престолъ Императора Николая I.

---

[1]) Тамже, стр. 42—45.

[2]) Дѣло Син. арх. 1813 г., № 106/540. Сн. Сбор. пост. по М. Н. Пр., т. I, стр. 633—634.

[3]) Нурминскій. Столѣтіе Вятской губ., т. 2, стр. 712—714.

II.

Школьное дѣло среди инородцевъ Казанскаго края при Императорѣ Николаѣ I.

Въ царствованіе Николая I въ дѣлѣ народнаго образованія произошла существенная перемѣна. При немъ Удѣльное Вѣдомство и Министерство Государственныхъ Имуществъ съ бо́льшей энергіей, чѣмъ въ предшествовавшее время, начинаютъ заботиться о распространеніи образованія среди своихъ крестьянъ. Школы заводятся сначала въ Удѣльномъ Вѣдомствѣ. 25 окт. 1828 г. былъ Высочайше утвержденъ уставъ сельскихъ удѣльныхъ училищъ [1]). По этому уставу сельскія училища открываются при каждомъ приказѣ, при чемъ училищное зданіе должно быть недалеко отъ церкви (п. 2). Въ училища поступаютъ мальчики 8—12 лѣтъ изъ удѣльныхъ имѣній (п. 3). Каждое семейство при отдачѣ мальчика въ училище снабжаетъ его армякомъ, кушакомъ, шляпой и сапогами, а зимой тулупомъ и шапкой (п. 7). Цѣль обученія дѣтей двоякая: а) приготовленіе писарей, счетчиковъ и прочихъ низшихъ чиновъ сельской удѣльной администраціи и б) сообщеніе понятій о христіанской вѣрѣ и нѣкоторыхъ полезныхъ свѣдѣній. Предметы обученія: чтеніе книгъ церковной и гражданской печати, а также рукописей, Законъ Божій по краткому катихизису и священной исторіи, 4 первыя дѣйствія ариѳметики съ употребленіемъ счетовъ. Законъ Божій преподаетъ священникъ, а прочіе предметы—учитель. Преподаваніе ведется по ланкастерскому способу взаимнаго обученія (п. 9). Ученіе для мальчиковъ 14-лѣтняго возраста и старѣе начинается по окончаніи полевыхъ работъ и продолжается до начала оныхъ, а для малолѣтнихъ безпрерывное (п. 12). Неспособные ученики остаются въ школѣ до 3-хъ лѣтъ и болѣе, а другіе выпускаются по испытаніи (п. 13). Отличные ученики переводятся въ главныя удѣльныя училища или опредѣляются въ писаря (п. 19). Училища содержатся на счетъ удѣльныхъ имѣній, при чемъ управляющіе конторою предлагаютъ крестьянамъ сдѣлать мірскіе приговоры для нужныхъ сборовъ и представляютъ оные Департаменту Удѣловъ на утвержденіе, послѣ сего сборы сіи помѣщаются въ платежныя табели (п. 22, 23), т. е., другими словами, расходы по содержанію училищъ возлагались на самихъ же удѣльныхъ

---

[1]) П. С. З., т. III, № 2377.

крестьянъ. Для поощренія успѣховъ учащихся въ уставѣ указывается цѣлый рядъ наградъ и наказаній въ слѣдующей градаціи. Награды: 1) похвала въ присутствіи товарищей, 2) занятіе первыхъ мѣстъ въ классѣ, за столомъ и въ комнатахъ, 3) написаніе имени ученика на доскѣ за отличіе, 4) выдача книгъ и похвальныхъ листовъ. Наказанія: 1) выговоръ, 2) оставленіе безъ обѣда, 3) стояніе на колѣняхъ, 4) оставленіе послѣ уроковъ въ запертомъ классѣ, тѣлесное наказаніе (п. 29).

Для приготовленія учителей въ сельскія удѣльныя училища открыто было два главныхъ удѣльныхъ училища: а) въ Красномъ Селѣ близъ Петербурга на 30 чел. для сѣвернаго края и б) около Москвы на 50 чел. для центральной и восточной части Россіи [1]).

Черезъ 2 года, а именно—24 дек. 1830 г. Высочайше утвержденъ проэктъ о волостныхъ училищахъ казенныхъ поселянъ Министерства Государственныхъ Имуществъ [2]). Проэктъ этотъ почти буквально сходенъ съ уставомъ удѣльныхъ училищъ. По проэкту училища открываются при волостныхъ правленіяхъ и состоятъ въ вѣдѣніи вице-губернаторовъ подъ ближайшимъ надзоромъ окружныхъ комисаровъ и волостныхъ головъ (п. 2). Учителя допускаются безъ спеціальной подготовки, по испытаніи въ уѣздномъ училищѣ. Въ случаѣ согласія желательно назначеніе въ учителя преимущественно священниковъ (п. 4). Предметы преподаванія и школьные порядки тѣ же, что и въ удѣльныхъ училищахъ. Содержатся волостныя училища на счетъ частныхъ земскихъ повинностей.

Волостныя училища скоро же получили исключительное назначеніе—приготовлять писарей [3]).

Указанныя положенія объ удѣльныхъ и волостныхъ училищахъ долго еще не касались инородцевъ Казанскаго края, а положеніе о волостныхъ училищахъ до 1838 г. и среди русскихъ дѣйствовало только въ Петербургской и Псковской губерніяхъ. Въ переданныхъ 1835 г. въ вѣдѣніе Удѣловъ селеніяхъ крестьянъ Симбирской губ., а также въ поступившихъ въ удѣльное завѣдываніе въ 1836 г. чувашскихъ селеніяхъ той же губерніи не оказалось ни одной школы [4]). Только въ весьма рѣдкихъ селеніяхъ Казанской губ. попадались школы, открытыя и поддерживаемыя ду-

---

[1]) П. С. З., т. III, № 2376.

[2]) Прибавленіе къ V тому П. С. З., № 4219.

[3]) П. С. З., т. VIII, отд. I, № 6592. Указъ Министру Финансовъ.

[4]) См. Истор. Удѣловъ за столѣтіе ихъ существ., т. II, стр. 385.

ховенствомъ. Такъ, въ обширной Шуматовской волости, Ядрин. у., къ 1838 году имѣлись школы въ трехъ чувашскихъ селахъ: Шуматовѣ, Шумшевашахъ и Хочашевѣ. Въ первыхъ двухъ селахъ священно-церковно-служители учили дѣтей въ собственныхъ домахъ, а въ Хочашевѣ— въ церковной караулкѣ [1]). Св. Синодъ, въ виду часто повторяющихся въ Казанской епархіи отступническихъ движеній, вслѣдствіе донесенія казан. архіеп. Филарета сдѣлалъ распоряженіе, чтобы дѣтей, которыхъ родители изъявятъ желаніе на обученіе, какъ священникамъ, такъ и діаконамъ и причетникамъ учить грамотѣ по азбукѣ и катихизису на ихъ языкѣ безмездно, что священно-церковно-служителямъ новокрещенскихъ церквей удобно исполнять, ибо они всѣ вообще не занимаются земледѣльческими трудами, а пользуются отъ прихожанъ ругою; доколѣ число желающихъ обучаться дѣтей не велико, можно обучать ихъ въ домахъ, а когда откроется довольное число дѣтей, желающихъ обучаться грамотѣ, тогда убѣждать прихожанъ, чтобы они выстроили при церквахъ училища, въ которыхъ священно-церковно-служителямъ обучать ихъ также безмездно [2]). Это распоряженіе Синода, конечно, осталось безъ примѣненія къ дѣйствительности. Легко было предписывать, чтобы епархіальное начальство заставляло священно-церковно-служителей обучать инородческихъ дѣтей на ихъ природномъ языкѣ и при томъ безмездно. Но гдѣ же было взять епархіальному начальству такихъ знатоковъ инородческихъ языковъ и безкорыстныхъ тружениковъ? Легко было предписывать, чтобы священники убѣждали прихожанъ строить училища, но не такъ легко было убѣдить ихъ къ тому, въ виду полнаго непониманія ими важности образованія.

Удѣльныя школы по уставу 1828 г. среди инородцевъ стали открываться только въ 40-хъ годахъ. Такъ, 8 февр. 1838 г. Симбирская Удѣльная Контора предписала Верхне-Тимерсянскому Приказу открыть 3 удѣльныхъ училища: въ с. Теньковкѣ и въ деревняхъ: Среднихъ Тимерсянахъ и Старыхъ Алгашахъ. 17 марта того же года послѣдовало новое предписаніе этому Приказу отъ Министра Императорскаго Двора и Удѣловъ черезъ Симбирскую Уд. Контору, чтобы немедленно начать постройку сихъ училищъ. Въ предписаніи, между прочимъ, сказано: во всѣхъ чу-

---

[1]) Вышеуказанная рукопись В. К. Магнитскаго.

[2]) Указъ Св. Синода отъ 11 апр. 1830 г. Рукопись библ. Казан. Дух. Акад.

вашскихъ селеніяхъ Симбирской губерніи молодыхъ чувашъ Закону Божію и русской грамотѣ учили бы приходскіе священники, и ученье открыть въ тотъ же годъ пока въ наемныхъ квартирахъ, а какъ училища будутъ открыты, въ училищахъ. Въ деревняхъ же удѣльнаго вѣдомства предписывается въ весьма непродолжительное время строить церкви и открывать приходы. Вскорѣ послѣ этого высланы были планы церквей и училищъ. Лѣсъ для постройки училищъ Удѣлъ отпустилъ крестьянамъ безплатно. Въ 1840 году училищныя зданія были уже готовы, а съ 1841 года началось въ нихъ и ученье. Тогда же открыты были удѣльныя училища среди инородцевъ и въ другихъ губерніяхъ. Такъ, въ 1842 г. по приказу Казанской Удѣльной Конторы были открыты училища среди черемисъ Казан. губ.

Вообще Удѣлъ въ описываемое время сильно заботился о просвѣщеніи инородцевъ. Выстроенныя имъ прекрасныя и прочныя зданія во многихъ мѣстахъ уцѣлѣли и до сего времени. Его сильно безпокоило религіозное невѣжество инородцевъ, невыгодно отражавшееся и на экономическомъ положеніи ихъ. Ожидая добрыхъ плодовъ отъ училищъ только въ будущемъ, Удѣлъ находилъ даже нужнымъ прибѣгнуть на первое время къ репрессивнымъ мѣрамъ для искорененія невѣжества инородцевъ, и дѣлалъ иногда распоряженія по такимъ вопросамъ, которые непосредственно входили въ сферу дѣятельности духовнаго начальства. Такъ, Управляющій Симбирской Удѣльной Конторой отъ 2 сент. 1842 г. вошелъ въ Департаментъ Удѣловъ съ предложеніемъ истребить киремети чувашъ (рощи, въ которыхъ чуваши совершали языческія моленія, связанныя съ большими матеріальными издержками), полагая, что съ истребленіемъ этихъ рощъ исчезнутъ сами собой и связанныя съ ними языческія моленія. Въ отвѣтъ на это предложеніе отъ Департамента Удѣловъ отъ 6 окт. 1842 г. за № 17301 послѣдовало на имя управляющаго Симб. Уд. Конторой слѣдующее предписаніе: „По разсмотрѣніи рапорта Вашего отъ 2 минувшаго сентября Департаментъ Удѣловъ нашелъ, что предполагаемая Вами мѣра не поведетъ къ желаемой цѣли, ибо съ уничтоженіемъ (носящихъ) сіе названіе рощъ, чуваши могутъ избрать для идолопоклонническихъ обрядовъ гору, оврагъ, какую-либо ветхую избу и т. д. Для отклоненія же ихъ отъ заблужденія Департаментъ предписываетъ привести въ исполненіе прочія Ваши предложенія, и именно: 1) чувашскихъ колдуновъ и ворожей, называемыхъ юмси, подчинить строжайшему надзору мѣстнаго удѣльнаго началь-

ства, обязать ихъ подписками не употреблять во зло невѣжество чувашъ, а ослушниковъ наказывать въ примѣръ другимъ и 2) воскресные и табельные дни рѣшительно воспрещать чувашамъ заниматься работами, а въ дни идолопоклонническихъ празднествъ употреблять ихъ въ общественныя работы, какія въ это время случатся, наблюдая, чтобы они въ эти дни работали и по собственному хозяйству". Отъ чувашъ и чувашскихъ ёмзей дѣйствительно отобраны были черезъ Удѣльные Приказы требуемыя подписки [1]). Само собой разумѣется, что эти мѣры удѣльнаго начальства не имѣли, да и не могли имѣть существеннаго значенія въ просвѣщеніи чувашъ. Чувашскимъ ёмзямъ не трудно было выдать подписку въ томъ, что они впредь не будутъ злоупотреблять невѣжествомъ чувашъ, но и послѣ этого они преспокойно могли продолжать свое дѣло. Если-бы даже всѣхъ чувашскихъ ёмзей засадили въ монастырь или тюрьму, на мѣсто ихъ явились-бы новые; ибо доколѣ изъ чувашскихъ головъ не вытравить ихъ прежнихъ убѣжденій и вѣрованій, дотолѣ будетъ жива въ нихъ потребность въ ёмзяхъ, а эта потребность сама уже непремѣнно вызоветъ къ жизни новыхъ и новыхъ ёмзей. Также, заставить трусливыхъ чувашъ не работать въ воскресные дни и работать по пятницамъ—удѣльное начальство, конечно, могло, но при первомъ случаѣ ослабленія надзора чуваши могли нарушить требованіе начальства.

Волостныя школы среди инородцевъ стали открываться также только съ 40-хъ годовъ.

Но вообще нужно сказать, что школы, какъ удѣльныя, такъ и волостныя открывались среди инородцевъ весьма туго, такъ что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ было не болѣе двухъ-трехъ училищъ. Были и такіе уѣзды, въ которыхъ въ описываемую эпоху не было ни одной школы. Причины къ тому были разныя. Между прочимъ, какъ на одну изъ причинъ, препятствовавшихъ успѣшному распространенію школьной сѣти между инородцами, нужно указать на то, что при введеніи школъ въ инородческихъ поселеніяхъ распространялись разные ложные слухи. Напр., въ Ядринскомъ уѣздѣ распространился слухъ, что правительство хочетъ обучать дѣтей для того, чтобы послѣ составить изъ нихъ казачьи полки, какъ доносилъ объ этомъ благочинный г. Ядрина протоіерей Николаевъ. Ядринскій Зем-

---

[1]) Дѣло Симб. Удѣл. Конт. по предписанію Департ. Удѣловъ о принятіи мѣръ къ истребленію киреметей, № 1065, по архивной описи № 60.

скій Судъ долженъ былъ разувѣрять чувашъ и доказывать, что правительство хочетъ обучать дѣтей съ цѣлью вывести ихъ въ писаря [1]). На существованіе подобныхъ слуховъ даже среди русскихъ указываетъ и г. Григорьевъ [2]).

Но нельзя было прельстить чувашъ и тѣмъ, что ихъ дѣтей послѣ школы ждетъ счастливая участь—сдѣлаться писаремъ. Напротивъ, это еще болѣе увеличивало ихъ предубѣжденіе противъ школы. Не только чувашамъ и другимъ инородцамъ, но и русскимъ крайне нежелательно было, чтобы изъ ихъ дѣтей выходили писаря [3]), потому и не соглашались они открывать школы или отдавать своихъ дѣтей въ открытыя уже школы. Писаря представляли изъ себя нравственно искалѣченныхъ людей: пьяницъ, взяточниковъ, развратниковъ. Особенно безобразны были писаря въ инородческихъ мѣстностяхъ, не исключая и тѣхъ, которые по происхожденію и сами были инородцы. Пользуясь невѣжествомъ, забитостью и безотвѣтственностью инородцевъ, они безпощадно грабили ихъ и издѣвались надъ ними. Г. Нурминскій вотъ какъ характеризуетъ инородческихъ писарей: „Оторванные отъ семьи, отъ родныхъ обычаевъ, не приставшіе къ русской жизни, не замѣнившіе утраченные племенные нравы и преданія разумными свѣдѣніями, эти люди представляютъ жалкое подобіе людей: безобразнѣе инородческаго писаря я не знаю ничего“ [4]). А вотъ и другая характеристика инородческаго писаря: „Онъ (писарь) былъ въ собственномъ смыслѣ деспотомъ въ своей волости: налагалъ поборы, брилъ лбы, сажалъ въ цѣпь своего волостного голову, судилъ, рядилъ, наказывалъ, однимъ словомъ дѣлалъ все, что хотѣлъ. Чтобы показать вамъ значеніе писаря въ старинной Чувашландіи, разскажу вамъ анекдотъ, за достовѣрность котораго ручаюсь. Попадья торгуетъ у чувашенина на андреевскомъ базарѣ „сяврапъ полъ“ (вертящуюся, бѣшеную рыбу). Продавецъ запрашиваетъ слишкомъ дорого. Попадья горячится, бранится, чувашенинъ не уступаетъ.—Побойся ты Бога, чувашская лопатка,—восклицаетъ попадья,—вѣдь это неслыханная цѣна.—Эхъ, мачка (матушка), отвѣчаетъ раздосадованный чувашенинъ,—*что Бога бояться: вѣдь Богъ—не писарь.*—Такъ вотъ что значилъ писарь!—Откуда брались эти писаря, не знаемъ. Знаемъ только, что ко-

---

[1]) Въ вышеуказанной рукописи В. К. Магнитскаго.

[2]) См. его книгу „Историческій очеркъ русской школы“, стр. 353.

[3]) Тамъ же, стр. 351.

[4]) „Инородческія школы“. Прав. Обозр. 1864 г., т. 14, стр. 220.

нецъ ихъ служебнаго поприща обыкновенно былъ двоякій: прослуживъ три, четыре года, они или отправлялись пѣшеходяще на Востокъ, или переписывались изъ мѣщанъ въ купцы 2-ой гильдіи“ [1]). Теперь понятно, почему инородцы не желали готовить своихъ дѣтей на писарскую должность.

Въ виду этого въ 1842 году двумя Высочайшими указами [2]) всѣ училища Министерства Государственныхъ Имуществъ были преобразованы въ приходскія училища, которыя назначались уже не для приготовленія писарей, а вообще для распространенія и утвержденія между государственными крестьянами религіозно-нравственнаго образованія и первоначальныхъ для каждаго сословія болѣе или менѣе нужныхъ свѣдѣній. Эта цѣль выражена въ Высочайшемъ указѣ слѣдующими словами: „Объявить государственнымъ крестьянамъ, что, учреждая для собственнаго ихъ блага способы образованія для сельскаго юношества, Мы желаемъ съ одной стороны, чтобы они, исполняя долгъ отеческаго попеченія о своихъ дѣтяхъ, обучали ихъ въ приходскихъ училищахъ, а съ другой, чтобы дѣти поселянъ, пріобрѣтая въ сихъ училищахъ истинныя понятія о своихъ обязанностяхъ, предписанныхъ закономъ Божіимъ, и обо всемъ, что необходимо въ кругу сельскаго быта, доставляли утѣшеніе родителямъ и пользу своимъ обществамъ“.

Тѣмъ не менѣе развитіе школьнаго дѣла подвигалось весьма туго, не только среди инородцевъ, но и среди русскихъ. Какъ относились крестьяне къ школѣ, видно изъ того, что родители смотрѣли на ученье, какъ на тяжелую и непріятную повинность, и даже нерѣдко откупались отъ школы. Въ особенности это нужно сказать про инородцевъ. Волостные головы и писаря, пользуясь боязнью инородцевъ предъ школою, набивали себѣ карманы. При пріемѣ дѣтей въ школу они нарочно старались записывать сначала дѣтей богатыхъ инородцевъ. Послѣдніе откупались отъ школы деньгами, медомъ, масломъ, водкой, крупой и прочими продуктами, такъ что послѣ пріемки дѣтей въ школу головы и писаря возвращались домой изъ каждой деревни съ тяжело нагруженными подводами. Въ концѣ концовъ принимались въ школу дѣти бѣдныхъ крестьянъ, которымъ нечѣмъ было откупаться. Провожая дѣтей въ школу, матери плакали по нимъ какъ по покойникамъ.

---

[1]) В. А. Сбоевъ. Изслѣдованія объ инородцахъ Казанской губ. Казань. 1856 г., стр. 15—16.

[2]) П. С. З., т. XVII, отд. I, № 15794; отд. II, № 16248.

Г. Большаковъ [1]) указываетъ такой случай. Въ дер. Большомъ Яшнурѣ записали въ школу сына одного черемисина. Мать ребенка съ отчаянія рѣшилась на самоубійство. Хорошо что во-время усмотрѣли и спасли ее. Такъ какъ было основаніе опасаться, что она опять можетъ покушаться на свою жизнь, то дядя этого мальчика рѣшилъ отдать въ училище, взамѣнъ его, своего сына.

Чтобы привлечь учениковъ къ школы, въ 1838 году было объявлено о зачетѣ школьнаго ученья въ рекрутскую послугу тѣмъ семействамъ, изъ коихъ дѣти были взяты въ школу [2]). Въ 1855 году для пополненія училищъ предписывалось брать въ нихъ сиротъ [3]).

И эти мѣры не привели ни къ чему. Просуществовавъ болѣе 20 лѣтъ, школы 40-хъ и 50-хъ годовъ не могли сообщить крестьянскимъ дѣтямъ хотя-бы даже самаго элементарнаго образованія, не могли пріучить ихъ охотно и аккуратно посѣщать школу. Бывшій предсѣдатель Департамента Удѣловъ гр. Муравьевъ послѣ объѣзда своего удѣльныхъ имѣній въ 1858 году заявилъ, что вопросъ о распространеніи грамотности среди удѣльныхъ крестьянъ оставался все еще „не извлеченнымъ изъ области умозрѣній и далекъ отъ того, чтобы превратиться въ дѣйствительный животворный фактъ“ [4]). Множество мальчиковъ,—писалъ въ то же время завѣдывавшій Вятской Удѣльной Конторой,— не знаютъ самыхъ необходимыхъ молитвъ, не понимаютъ ни одного изъ обрядовъ вѣры, чужды знанія самыхъ обыкновенныхъ ея правилъ, даже выпускные мальчики не могли рѣшить совершенно простой ариѳметической задачи и не имѣютъ понятія о письмѣ подъ диктовку“ [5]). Въ 60-хъ годахъ члены Бунинскаго Училищнаго Совѣта указывали, что ученики очень часто пропускаютъ уроки частью по своеволію, частью съ согласія родителей, которые, смутно сознавая пользу грамоты, самовольно распоряжаются учебнымъ временемъ дѣтей своихъ, часто отвлекая ихъ отъ занятій подъ самыми пустыми предлогами, такъ что, если сосчитать всѣ дни ученія, то окажется, что многія дѣти въ теченіе года всего учатся мѣсяца два, много три; нѣкоторыя школы числятся только на бумагѣ, потому что

---

[1]) См. его книгу „Матеріалы къ исторіи народнаго образованія въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, стр. 115.

[2]) См. „XIX вѣкъ“, прил. къ журн. „Нива“ за 1901 г., стр. 332.

[3]) Тамъ же.

[4]) Исторія Удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія, т. II, стр. 393.

[5]) Тамъ же.

учащіеся не ходятъ въ нихъ болѣе года; нерѣдко учащіеся, просидѣвъ нѣсколько лѣтъ въ училищѣ, выходятъ оттуда по уросливости [1]). Въ отчетахъ ревизующихъ того времени встрѣчались такія отмѣтки: 6 учениковъ не ходятъ по своеволію, 11—по своеволію, 9—постоянно въ отлучкѣ, 20 (изъ 40) по своеволію постоянно не ходятъ... Въ 3-хъ женскихъ школахъ (Бунскаго у.), изъ которыхъ въ каждой числится по спискамъ 20 ученицъ, всѣ 20 ученицъ въ одной школѣ весьма давно не ходятъ, въ другой не ходятъ болѣе года, въ третьей не ходятъ съ сентября по май (то-есть, тоже цѣлый учебный годъ) [2]). Въ 1866 году Бунское уѣздное земское собраніе при обсужденіи вопросовъ по народному образованію высказало такое мнѣніе, что если дѣло обученія крестьянъ предоставить ихъ добровольному желанію, то въ школахъ не останется ни одного мальчика, ни одной дѣвочки [3]).

III.

Инородческія школы Казанскаго края до введенія просвѣтительной системы Н. И. Ильминскаго и причины неудовлетворительнаго ихъ состоянія.

Цѣлый рядъ фактовъ весьма рельефно рисуетъ несочувственное отношеніе инородцевъ къ школамъ, существовавшимъ до введенія просвѣтительной системы Н. И. Ильминскаго. Чѣмъ же объясняется такое несочувствіе инородцевъ къ типу прежнихъ школъ? По нашему мнѣнію, причина этого печальнаго явленія заключалась главнымъ образомъ не въ томъ, что народъ не успѣлъ еще проникнуться сознаніемъ важности образованія, а въ томъ, что въ самой постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла прежнихъ школъ было много крупныхъ недостатковъ. Если-бы учебно-воспитательное дѣло въ прежнихъ школахъ было поставлено болѣе или менѣе сносно, въ 20-ть или 30-ть лѣтъ инородцы успѣли-бы полюбить школу и оцѣнить образованіе.

Въ приложеніи къ журналу „Нива" за 1901 годъ („XIX вѣкъ", стр. 333) мы видимъ такой отзывъ о доре-

---

[1]) См. ст. г. попечителя Каз. Учебн. округа П. Д. Шестакова „О школахъ Бунскаго уѣзда Симбир. губ." въ Журналѣ М. Н. Пр. за 1867 г., апрѣль, стр. 97—98 въ отдѣлѣ „Соврем. лѣтопись".

[2]) Тамъ же, стр. 101.

[3]) „Начальныя народныя училища". Жур. М. Н. Пр. за 1867 г., мартъ, стр. 375 въ отд. „Совр. лѣтопись".

форменныхъ школахъ. „Убого было число училищъ и учащихся, убога была и программа ученія. Учились въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ азбукѣ, механическому чтенію, письму и списыванію, заучивали наизустъ безъ всякаго пониманія Часословъ и Псалтирь. Ученіе носило узко и формально-практическій и церковный характеръ: живое слово, живая мысль и живое доброе чувство были здѣсь не вѣдомы, и дореформенная школа, не смотря на свой церковный характеръ, не знала и Евангелія, такъ какъ добрая вѣсть о мирѣ и любви между людьми, о равенствѣ и братствѣ межъ ними, какъ не приложимая къ жизни, не могла быть внушаема дѣтямъ крѣпостныхъ, и Евангеліе бережно хранилось до поры лишь въ церкви, на престолѣ [1]) и было недоступно не только „трудящимся и обремененнымъ", но и тѣмъ, на кого они трудились, кто ихъ обременялъ. Ученіе было не только убогое по своему содержанію, но и паспльственное, и суровое, какъ сурова была жизнь и нравы того времени. Грубая брань, жестокіе побои, розги и всяческія истязанія всѣми признавались тогда безусловно необходимыми для усвоенія „горькаго корня ученія". Ученикъ былъ также безотвѣтенъ и безправенъ предъ лицомъ своего учителя, какъ и закрѣпощенный взрослый предъ лицомъ своего господина. Понятно само собою, что такое ученіе не только не просвѣщало, но „забивало" способности, поддерживало и освящало грубые нравы; жестокая „учеба" муштровала ученика, чтобы приготовить его къ не менѣе жестокой жизни. Нужно было, по тогдашнимъ „педагогическимъ" убѣжденіямъ, съ дѣтства сломить въ человѣкѣ „мятежную" отъ природы личную волю, чтобы онъ до старости оставался покорнымъ чужой волѣ. И воспитаніе этого достигало: избранныя натуры, закаляясь невзгодами, сохраняли свою индивидуальность, остальныя обезличивались".

Хотя новѣйшіе способы обученія грамотѣ были уже извѣстны въ это время на Западѣ, но до насъ они еще не успѣли дойти. Хотя и у насъ уже имѣлись въ переводѣ сочиненія Песталоцци, но его пріемы не вошли еще въ практику начальныхъ школъ той эпохи. Обученіе чтенію производилось у насъ тогда по буквослагательному спо-

[1]) Послѣднее замѣчаніе о яко-бы намѣренномъ „храненіи Евангелія" едва-ли приложимо къ инородцамъ. Напротивъ, правительство старалось распространить между инородцами Евангеліе на ихъ родномъ языкѣ. И если оно оказалось безполезнымъ по отношенію къ инородцамъ, то только потому, что переводы были сдѣланы неудачно.

собу, при которомъ одно усвоеніе азбуки требовало долгаго времени и большихъ усилій. Въ чтеніи главнымъ образомъ преслѣдовалась механическая сторона. Ученики читали большею частью безъ пониманія прочитываемаго. Механизмъ, „долбленіе и зубреніе“ господствовали вообще въ преподаваніи всѣхъ предметовъ. Какъ попугаи, механически и безсознательно затверживали ученики наизустъ разсказы изъ Священной Исторіи и краткій катихизисъ м. Филарета. Механически же заучивали числа, таблицы умноженія и опредѣленія ариѳметическихъ правилъ, изложенныя, при томъ, довольно замысловатымъ языкомъ. Понятно, такое ученіе не могло имѣть развивающаго и воспитывающаго значенія, а могло только притуплять способности учениковъ. Какъ не способное возбудить интересъ въ учащихся, такое ученіе только отталкивало дѣтей отъ школы.

Но еще вреднѣе сказывалась на учащихся дисциплина школы. Какъ намъ уже извѣстно, во всѣхъ дореформенныхъ школахъ, какъ удѣльныхъ, такъ и волостныхъ, былъ принятъ ланкастерскій методъ взаимнаго обученія. Методъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ. Учитель избиралъ себѣ помощниковъ изъ лучшихъ учениковъ. Эти помощники, или, какъ ихъ называли тогда, „старшіе“, усвоивъ себѣ урокъ непосредственно отъ учителя, обязаны были передать его порученной имъ группѣ учениковъ. Съ этой цѣлью ученики школы разбивались на группы, каждая вокругъ своего старшаго. Когда старшіе занимались каждый своей группой, учитель въ это время подходилъ то къ одной, то къ другой группѣ, наблюдая за правильнымъ веденіемъ старшими порученнаго имъ дѣла и, гдѣ требовалось, дѣлая указанія. Этотъ способъ обученія сталъ распространяться у насъ въ Россіи съ 1819 года, когда возвратились въ Петербургъ отправленные правительствомъ студенты педагогическаго института съ цѣлью ознакомленія съ ланкастерскимъ методомъ въ Англіи, Швейцаріи и Германіи [1]) Самъ по себѣ методъ этотъ былъ не дуренъ и имѣлъ свои выгодныя стороны, давая возможность содержать многолюдную школу при одномъ учителѣ, а это имѣло весьма немаловажное значеніе въ то время, когда чувствовался у насъ страшный недостатокъ въ учителяхъ. Но онъ былъ хорошъ только при постоянномъ и бдительномъ надзорѣ и руководительствѣ самаго учителя надъ школою. Между тѣмъ, въ большинствѣ нашихъ дореформенныхъ школъ не было особыхъ, спеціально подготовлен-

[1]) См. Историч. очеркъ русской школы Григорьева, стр. 306—307.

ныхъ къ педагогическому дѣлу, учителей, такъ какъ негдѣ было взять ихъ. Въ 1836 году, какъ извѣстно, были закрыты оба Главныхъ Удѣльныхъ Училища, бывшія единственными заведеніями въ Россіи для приготовленія учителей начальныхъ школъ [1]). Поэтому преподаваніе всѣхъ предметовъ въ большинствѣ прежнихъ школъ было поручено приходскимъ священникамъ. А въ инородческихъ губерніяхъ, кажется, во всѣхъ школахъ состояли учителями мѣстные священники. Изъ донесенія Управляющаго Симбирской Удѣльной Конторой Департаменту Удѣловъ видно, что въ 1859 году изъ 28 удѣльныхъ училищъ Симбирской губ. только 6 имѣютъ по два преподавателя: священника-законоучителя и учителя, а всѣ остальныя 22 училища (въ томъ числѣ всѣ 20 инородческихъ школъ) имѣютъ по одному преподавателю, всѣ изъ священниковъ [2]). Но священники не могли аккуратно посѣщать школу и быть въ школѣ съ утра до вечера. Они часто должны были отлучаться изъ дому для требоисправленій. Если принять во вниманіе рѣдкость селъ и громадные размѣры приходовъ того времени, то нисколько не покажется удивительнымъ, что священники часто по нѣсколько дней сряду не могли заглядывать въ школу. А во время собиранія руги (хлѣбный сборъ съ прихожанъ), какъ разсказывали намъ батюшки - старожилы, священники иногда по цѣлымъ недѣлямъ ѣздили по приходскимъ деревнямъ, такъ что тамъ же частенько ночевали и мылись въ банькѣ. Такимъ образомъ, ученики въ школахъ постоянно оставались безъ надзора и руководительства наставника. Въ отсутствіе священника—учителя они часто проводили время не за книгой, а за изобрѣтеніемъ разнаго рода хитроумныхъ шалостей, вродѣ дрессировки крысъ и мышей и т. п. Объ этомъ неоднократно приходилось намъ слышать отъ стариковъ, обучавшихся въ дореформенныхъ школахъ. При первомъ появленіи священника въ школѣ „старшіе“ доносили ему о всѣхъ проказахъ учениковъ и тогда начиналась суровая расправа съ виновниками при помощи розогъ. Чтобы избѣгать подобныхъ доносовъ со стороны старшихъ, ученики старались задабривать ихъ подарками. Конечно, при такихъ порядкахъ ланкастерскій способъ обученія не только не приносилъ пользы, но оказывалъ прямо вредъ учебно-воспитательному дѣлу. Вотъ что пишетъ одинъ педагогъ, лично на себѣ испытавшій ланкастерскую систему обуче-

---

[1]) Тамже, стр. 354.

[2]) См. Дѣло Симб. Уд. Конт. 1859 г., № $^{1165}/_{115}$.

нія: „Во первыхъ, все ученіе не имѣло развивающаго характера, а вдалбливалось мониторами; дѣти какъ попуган повторяли за мониторами, пока не усваивали „учебу“. Во вторыхъ, въ Ланкастерской школѣ, вмѣстѣ съ „взаимной системой обученія“, въ широкихъ размѣрахъ практиковалась и „взаимная система наказаній и взяточничества“. Мониторы распоряжались своей группой безконтрольно: стоило только монитору вытолкнуть ученика за кругъ, какъ на него налеталъ смотритель. Одного онъ накажетъ линейкой, другого выдеретъ за уши, третьяго оттаскаетъ за волосы, четвертаго поставитъ на колѣни. За воровство, драку на дворѣ, обманъ сѣкли нещадно и сѣкли зачастую напрасно, по жалобѣ монитора, которому мальчикъ не принесъ обѣщаннаго подарка въ видѣ булки, яблока или копѣйки. Принималъ подарки отъ родителей и смотритель [1]). Послѣ этого неудивительно, что прежнія школы въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ не пріобрѣли сочувствія народа.

Немаловажнымъ препятствіемъ развитію школьнаго дѣла среди инородцевъ служило снабженіе учащихся приличной одеждой и обувью, что для многихъ родителей было довольно обременительно. § 7-й Устава удѣльныхъ училищъ требовалъ, чтобы родители снабжали своихъ дѣтей, записанныхъ въ школу, приличной одеждой и обувью. Для болѣе или менѣе зажиточныхъ крестьянъ, конечно, ничего не стоило собрать мальчика въ школу прилично, по уставу. Но мы знаемъ, что на практикѣ въ школу попадали большею частью дѣти бѣдныхъ родителей, которымъ нечѣмъ было откупиться отъ школы. Тамъ, гдѣ наставники школы не придирались къ буквѣ устава, эти бѣдные ученики ходили въ школу въ чемъ попало, въ чемъ привыкли ходить обыкновенно: въ лаптяхъ, въ худенькомъ зипунишкѣ, хотя частенько, особенно въ зимнее время, должны были пропускать уроки за неимѣніемъ теплой одежды. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ учителя-формалисты требовали, чтобы родители снабжали учениковъ вполнѣ приличной одеждой и обувью. Такъ, одинъ учитель удѣльнаго училища пишетъ въ Приказъ: „выборные мальчики для обученія въ сельское училище изъ подвѣдомственныхъ оному приказу деревень, которые мною видимы всегда, что всѣ являются въ классъ въ лаптяхъ, то прошу покорнѣйше оный приказъ понудить роди-

---

[1]) Семеновъ. „Изъ школьныхъ воспоминаній стараго педагога“. Русская Школа 1890 г., № 9, стр. 47—48.

телей мальчиковъ, на основаніи устава сельскихъ удѣльныхъ училищъ § 7-го, чтобы они давали своимъ дѣтямъ сапоги, а не лапти, хотя по крайней мѣрѣ въ лѣтнее время: во-первыхъ для чистоты и опрятности въ училищѣ, во-вторыхъ для пріѣзжаго начальства, а въ-третьихъ, чтобы не было опослѣ никакой отвѣтственности" [1]). Приказы, исполняя такого рода просьбы, отнимали у крестьянъ послѣдніе гроши. Это еще болѣе увеличивало враждебное отношеніе крестьянъ къ школѣ.

Но еще бо́льшія затрудненія встрѣчались на практикѣ съ доставленіемъ учащимся пищи и съ помѣщеніемъ ихъ на частныхъ квартирахъ. Училища должны были находиться не вдалекѣ отъ церквей. Между тѣмъ, во многихъ мѣстностяхъ селенія, причисленныя къ одному приходу, были разбросаны на громадномъ разстояніи и отстояли отъ приходской церкви въ 15—20-ти верстахъ, особенно въ мѣстностяхъ съ инородческимъ населеніемъ. Посылать ежедневно въ школы дѣтей изъ такихъ селеній не представлялось возможнымъ, а потому крестьяне вынуждены были содержать въ такихъ случаяхъ дѣтей своихъ на частныхъ квартирахъ, что обходилось въ 25—30 руб. въ годъ на каждаго ученика, не считая одежды. Этими расходами крестьяне крайне тяготились и выражались по этому поводу такъ: „чтобы содержать одного мальчика въ училищѣ, нужно двухъ отдать въ заработки" [2]). Во избѣжаніе такихъ расходовъ крестьяне иногда ежедневно посылали дѣтей своихъ въ училища за 10 верстъ и болѣе, снабжая ихъ запасомъ хлѣба на цѣлый день, такъ что мальчикамъ приходилось проходить въ день въ оба конца не менѣе 20 верстъ. Для устраненія этихъ неудобствъ Департаментъ Удѣловъ разрѣшилъ приказамъ включать въ смѣты на училища особыя ассигновки изъ мірскихъ суммъ на выдачу денежныхъ пособій родителямъ учащихся на обмундированіе и содержаніе учениковъ. Размѣръ этихъ пособій колебался между 4 и 30 рублями, въ зависимости отъ матеріальнаго положенія родителей учениковъ. Но на практикѣ и эта мѣра не принесла ожидаемыхъ плодовъ и не могла способствовать успѣшному развитію школьно-просвѣтительнаго дѣла. При распредѣленіи мірскихъ суммъ, назначавшихся на содержаніе и обмундировку учащихся, явились разныя злоупотребленія, въ

---

[1]) Большаковъ. Матеріалы къ исторіи народ. образ. въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, стр. 80.

[2]) Исторія Удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія, т. II, стр. 383.

особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ право распредѣленія этихъ суммъ было предоставлено самимъ приказамъ. Приказы выдавали иногда крайне ничтожныя субсидіи на одежду и содержаніе учениковъ, или же въ видахъ экономіи произвольно отпускали иногда часть учениковъ по домамъ родителей и, такимъ образомъ, содержали въ дѣйствительности учениковъ гораздо меньше, чѣмъ значилось по спискамъ. Иногда вся ассигнованная на пансіонеровъ сумма выдавалась на руки родителямъ безъ всякаго вниманія къ тому, имѣютъ они или нѣтъ возможность содержать дѣтей на собственныя средства, живутъ они далеко отъ училища или въ томъ же селеніи, гдѣ находится училище. Были случаи полученія пансіонерной платы даже писаремъ за своего сына [1]). Такимъ образомъ стипендіи попадали часто такимъ родителямъ, которые имѣли полную возможность содержать дѣтей на свои средства и, наоборотъ, дѣйствительно нуждающіеся не получали никакого вспомоществованія. Кромѣ того, такой порядокъ вкоренилъ въ нѣкоторыхъ крестьянахъ убѣжденіе, что за обученіе дѣтей своихъ въ училищахъ они получаютъ „жалованіе", вслѣдствіе чего, въ случаѣ невыдачи этого "жалованія", многіе стали отказываться посылать дѣтей въ школу.

Но коренной недостатокъ прежнихъ инородческихъ школъ, нѣсомнѣнно, заключался въ томъ, что онѣ совершенно не были приноровлены къ инородцамъ. Преподаваніе всѣхъ предметовъ велось въ нихъ исключительно на русскомъ языкѣ, непонятномъ для инородческихъ дѣтей. Если русскимъ дѣтямъ въ то время „учеба" давалась съ большими трудностями, то можно себѣ представить, какихъ усилій стоило инородческому мальчику, не знающему русскаго языка, усвоеніе школьной мудрости. И если въ русскихъ школахъ того времени господствовалъ механизмъ, отсутствіе сознательности и самостоятельности, то тѣмъ болѣе это нужно сказать про инородческія школы. Не понимая русскаго языка, инородческіе мальчики, дѣйствительно, какъ попугаи, механически и безсознательно заучивали молитвы, разсказы изъ Свящ. Исторіи и катихизисъ Филарета. Такая „учеба", конечно, никакого развивающаго и цивилизующаго вліянія на инородцевъ не оказывала. Большинство изъ инородцевъ, прошедшихъ черезъ прежнія школы, оказались въ жизни пьяницами, взяточниками, сутяжниками. Въ религіозномъ отношеніи

---

[1]) Тамже, стр. 384.

они вышли такими же кирметниками—язычниками (по своимъ убѣжденіямъ), какими были ихъ неграмотные соплеменники. Въ 60-хъ годахъ, благодаря статьямъ Н. И. Ильминскаго, была сознана вся безполезность, даже вредность прежнихъ школъ, вслѣдствіе игнорированія народнымъ языкомъ. „Обучаютъ въ училищахъ Бунскаго уѣзда,—пишетъ г. Шестаковъ,—27 законоучителей и 45 учителей, изъ которыхъ многіе также священники. Изъ этого числа законоучителей только два священника, владѣя чувашскомъ языкомъ, объясняютъ дѣтямъ по-чувашски, да изъ учителей—одинъ изъ чувашъ; всѣ же прочіе безъ разсужденій усаживаютъ чувашскихъ дѣтей за букварь и заставляютъ ихъ учить на память на чуждомъ для нихъ языкѣ молитвы и начатки христіанскаго ученія (книгу, которую и русскія-то дѣти учатъ большею частью наизустъ)... Руководимые учителями, не знающими или не желающими знать родного языка своихъ учениковъ, чувашскія дѣти учатъ, чего не понимаютъ, превращаясь въ говорящія машины. Понятно, что у нихъ образуется отвращеніе къ грамотѣ, которое заставляетъ ихъ толпами бѣжать изъ училищъ... Итакъ, hinc illae lacrimae: небреженіе роднымъ языкомъ учениковъ—главная причина неудовлетворительнаго состоянія Бунскихъ и, конечно, и всѣхъ другихъ инородческихъ школъ. По нераціональному методу преподаванія, а главное потому, что въ этихъ школахъ совершенно игнорировался родной разговорный языкъ инородцевъ, выходившіе изъ этихъ школъ учащіеся имѣли неразвитую голову, свѣдѣнія смутныя, не могли ничего изъ пройденнаго разсказать на своемъ языкѣ и скоро стушевывались между неграмотными и забывали то, чему учились въ школахъ“ [1]). „Слѣдствія (такого рода обученія инородцевъ),—читаемъ въ томъ же журналѣ,—были, разумѣется, самыя печальныя: даже тѣ изъ инородцевъ, которые наиболѣе успѣвали при такой системѣ обученія, оказывались впослѣдствіи какими-то полуидіотами, такъ что недавно пришлось уволить изъ Вятской духовной семинаріи всѣхъ воспитанниковъ изъ черемисъ, за совершенною ихъ неспособностью, бывшею слѣдствіемъ такого неразумнаго первоначальнаго ихъ обученія: вообще же инородцы должны были почувствовать сильнѣйшее отвращеніе къ такого рода школамъ, находя ученіе въ нихъ чрезмѣрно для себя труднымъ, и вслѣдствіе того русская грамотность и даже само христіанство весьма

[1]) „О школахъ Бунн. у., Симб. г.“, Жур. М. Н. Пр. за 1867 г., апрѣль.

плохо къ нимъ прививались. Такъ, между прочимъ, въ Бугульминскомъ же уѣздѣ, татары, учившіеся въ подобныхъ школахъ, какъ увѣряютъ, всѣ отступили въ магометанство“ [1]). Нерѣдко эти грамотные инородцы являлись даже вожаками отступническихъ движеній. Такъ, о новокрещеномъ татаринѣ Василіи Евстифѣевѣ, бывшемъ главнымъ виновникомъ отступническаго движенія татаръ Нижегород. губ. въ началѣ XIX в., Н. И. Ильминскій замѣчаетъ: „Неизлишне замѣтить, что Естифѣеву русская грамота дала только возможность сдѣлаться совратителемъ и вожакомъ отступленія. Въ недавніе годы подобное явленіе замѣчено при отпаденіи крещеныхъ татаръ деревни Канбековой Белебеевскаго уѣзда, Уфимской губерніи“ [2]). Лично намъ извѣстно, подобное же явленіе имѣло мѣсто въ Чепкасъ-Николаевскомъ приходѣ, Бугульминскаго уѣзда: вожакъ отступническаго движенія (не помню теперь его имени), бывшій ученикъ удѣльной школы, хорошо владѣвшій русскимъ языкомъ и довольно сносно-русской грамотой, былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе за совращеніе крещеныхъ татаръ въ мусульманство.

Что одно усвоеніе русской грамоты и русскаго языка не можетъ оказывать цивилизующаго вліянія на инородцевъ, это сознавалъ и неоднократно высказывалъ извѣстный нашъ педагогъ Ушинскій. „Знаніе иностраннаго языка,—пишетъ онъ,—пріобрѣтенное такимъ образомъ (путемъ отстраненія родного языка), не цивилизуетъ еще человѣка, и, Боже мой, сколько есть у насъ людей, мыслящихъ совершенно по-татарски, но не иначе какъ на французскомъ языкѣ“ [3]). Сколько было у насъ людей, мыслившихъ совершенно по-язычески или по-мусульмански, но не иначе какъ на русскомъ языкѣ,—можемъ мы сказать, примѣнительно къ тону Ушинскаго, объ инородцахъ, учившихся въ прежнихъ школахъ. На вопросъ: что сдѣлала школа для инородцевъ въ прежнее время?—тотъ же Ушинскій отвѣчаетъ: „хуже, чѣмъ ничего: она на нѣсколько лѣтъ задержала естественное развитіе дитяти; остается, правда, грамотность или, лучше сказать, полуграмотность, и то не всегда, и можетъ пригодиться къ тому, чтобы на полурусскомъ написать какую-нибудь ябеду; душу же человѣка такая школа не развиваетъ, а только портитъ“ [4]).

---

[1]) Жур. М. Н. Пр. 1867 г., февраль. См. Сборникъ документовъ и статей по вопросу объ образованіи инородцевъ. СПб. 1869 г., стр. 7—8.

[2]) См. Опыты переложенія христ. вѣроуч. книгъ на татарскій и др. инородч. языки. Казань. 1883 г., стр. 67.

[3]) Собраніе педагогич. сочиненій. Спб. 1875 г., стр. 214.

[4]) Тамже стр. 380.

Позволимъ себѣ привести здѣсь два факта изъ личныхъ наблюденій. Когда я былъ учителемъ въ дер. Альшеевѣ, Бугульминскаго у., законоучитель моей школы, заслуженнѣйшій о. протоіерей А. И. Баратынскій обратился разъ къ своимъ прихожанамъ-чувашамъ съ словомъ, въ которомъ убѣждалъ ихъ оставить прежніе языческіе обычаи. Въ концѣ своей проповѣди о. Баратынскій обратился къ одному чувашину, учившемуся въ удѣльной школѣ (имени и отчества его точно не помню теперь, кажется, звали Василіемъ Степановымъ), съ такими словами: „вотъ ты, Василій Степановъ, человѣкъ грамотный, понимающій; ты разъяснилъ-бы своимъ односельчакамъ, что поминать покойниковъ по-языčески и совершать языческія жертвоприношенія—грѣхъ, за это Богъ накажетъ васъ". И этотъ чувашинъ, на котораго болѣе всѣхъ надѣялся о. Баратынскій, къ удивленію послѣдняго, сдѣлалъ ему такое заявленіе: „ты ужъ, батюшка, насъ не трогай, наши дѣти какъ хотятъ, пускай живутъ по вашему, по-русски, а мы ужъ будемъ жить по старой своей дѣдовской вѣрѣ; можетъ (быть) твоя вѣра хороша, а намъ, чувашамъ, и своя вѣра ладна". А нужно замѣтить, что этотъ чувашинъ прекрасно зналъ христіанскія молитвы на славянскомъ языкѣ и безъ запинки могъ читать наизустъ длиннѣйшія тирады изъ Катихизиса Филарета, конечно, безъ всякаго пониманія.

Дѣдушка мой также учился, хотя и не докончилъ курса, въ сельскомъ удѣльномъ училищѣ. По своему времени онъ считался образованнымъ человѣкомъ въ селѣ: сносно говорилъ по-русски, ходилъ въ русской поддевкѣ, первый въ селѣ завелъ самоваръ, до старости прекрасно помнилъ общеупотребительныя славянскія молитвы, но до конца дней своихъ никогда не ходилъ въ церковь, ни разу не говѣлъ, не исповѣдывался, не причащался, и аккуратно исполнялъ всѣ языческія моленія, какъ домашнія, такъ и общественныя. Знаніе русской грамоты оказало ему пользу только въ томъ отношеніи, что онъ умѣлъ писать: „Егоръ Кандратьевъ руку приложилъ", а это въ его время, когда во всемъ селѣ было не болѣе двухъ-трехъ полуграмотныхъ крестьянъ, составляло довольно доходную статью: каждое рукоприкладство давало ему шкаликъ или полбутылки водки.

Почему же, спрашивается, игнорировался въ прежнихъ школахъ инородческій языкъ? Причина этого, несомнѣнно, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что не было тогда наставниковъ, свободно владѣющихъ инородческими языками. Но была и другая причина: нѣкото-

рые изъ представителей школьнаго дѣла уже тогда, кажется, начали опасаться, какъ-бы употребленіе инородческаго языка въ школахъ не привело къ сепаратизму. Поэтому учителямъ, знающимъ мѣстный инородческій языкъ, прямо запрещалось пользоваться этимъ языкомъ при преподаваніи школьныхъ предметовъ. По крайней мѣрѣ, это извѣстно намъ относительно казенныхъ (волостныхъ) училищъ. Но нѣкоторые учителя священники, знающіе мѣстный инородческій языкъ и на опытѣ убѣдившіеся въ важномъ значеніи его въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, не смотря на запрещенія штатныхъ смотрителей и окружныхъ начальниковъ, продолжали пользоваться инородческимъ языкомъ, хотя и „контрабаднымъ путемъ". Золотницкій, бывшій инспекторомъ чувашскихъ школъ Казан. учеб. округа, вотъ что пишетъ о своемъ отцѣ: „Понимая значеніе народнаго языка, онъ во время наставничества, не смотря на запрещенія штатныхъ смотрителей и окружныхъ начальниковъ, ревизовавшихъ училище,—послѣ того какъ мальчики, года въ два, при помощи старшихъ учениковъ, усваивали механизмъ чтенія по обыкновенному букварю,—заставлялъ ихъ читать *чувашское* Евангеліе, *чувашскій* катихизисъ, *чувашскую* священную исторію, хотя и плохо переведенные (изд. 1821 и 1832 г.), объясняя или переводя прочитанное по-русски, а нѣкоторымъ „болѣе смышленнымъ" давалъ читать и *чувашскую* грамматику (изд. 1836 г.), для сравнительнаго ознакомленія съ русскимъ языкомъ, и только этимъ въ остальные полтора или два года курса добивался того, что отвѣты старшихъ учениковъ—отвѣты, конечно, по-русски—были достаточно сознательные, а не безсмысленно задолбленные; а ревизоры, оставаясь довольны успѣхами учениковъ, постоянно ему говорили: „только, пожалуйста, батюшка, ни слова съ ними по-чувашски". — Такой образъ дѣйствій въ отношеніи къ училищному начальству, ради снисхожденія къ чувашлятамъ, въ глазахъ иныхъ, можетъ быть, и непохваленъ, но отецъ очевидную пользу своихъ прихожанъ считалъ дороже похвалъ себѣ, и Кошкинскіе чуваши понимали это: недавно одинъ изъ нихъ, черезъ 14 лѣтъ по кончинѣ отца, сказалъ мнѣ: „сан азю вильзянь дэ вильмэнь, кирик-хсян-да она азнатныр" (твой отецъ и по смерти не умеръ, мы завсегда его вспоминаемъ) [1].

Въ школахъ удѣльнаго вѣдомства, кажется, не было намѣреннаго игнорированія инородческимъ языкомъ. На-

[1]) Сборникъ докум. и статей по вопросу объ образ. инор., стр. 418.

противъ, удѣльныя власти даже, кажется, прямо признавали желательнымъ, чтобы наставники инородческихъ школъ пользовались мѣстнымъ народнымъ языкомъ. Такъ, въ 1859 году г. Управляющій Симбирской Удѣльной Конторой пишетъ Департаменту Удѣловъ: „Особенно туго идетъ обученіе въ чувашскихъ училищахъ, такъ какъ дѣти чувашъ поступаютъ въ училище не зная порусски, а изъ священниковъ рѣдкіе могутъ достаточно объяснять почувашски, между тѣмъ такихъ училищъ, въ которыхъ всѣ ученики или большинство изъ нихъ изъ чувашъ, находятся въ имѣніяхъ 20-ти. Къ исправленію сельскихъ училищъ безъ сомнѣнія послужитъ введеніе лучшаго метода преподаванія, коренной мѣрой для того будетъ приготовленіе въ—?—(здѣсь одного слова мы не могли разобрать въ подлинникѣ) священниковъ особыхъ учителей, которые при томъ для чувашскихъ училищъ должны быть изъ чувашъ или русскихъ, родившихся въ чувашскихъ селеніяхъ“ [1]). Если добрыя желанія удѣльныхъ властей не получили фактическаго осуществленія, то только потому, что въ средѣ священниковъ - учителей слишкомъ мало было лицъ, знакомыхъ съ инородческимъ языкомъ.

Тѣмъ не менѣе, такіе священники-учителя, какъ о. Золотницкій, встрѣчались и въ удѣльныхъ училищахъ, хотя и въ рѣдкихъ. Зато и успѣхи у такихъ священниковъ были несравненно лучше, чѣмъ въ другихъ школахъ, гдѣ обученіе дѣтей велось исключительно на русскомъ языкѣ. Въ доказательство важности обученія инородческихъ дѣтей на ихъ природномъ языкѣ г. Шестаковъ, на основаніи отчета предсѣдателя Буинскаго уѣзднаго училищнаго совѣта о. Баратынскаго, указываетъ на Убеевское сельское училище, гдѣ священникъ Фармаковскій весьма успѣшно занимался обученіемъ чувашскихъ дѣтей, благодаря тому, что зналъ и употреблялъ въ школѣ чувашскій языкъ. „Нельзя не замѣтить,—пишетъ Шестаковъ,—что въ этой школѣ, благодаря педагогической опытности наставника, а главное тому, что онъ учитъ дѣтей разумно (по чувашски и русски), и дѣти учатся *охотно* (отсутствующихъ, а тѣмъ болѣе постоянно не ходящихъ нѣтъ) и *съ успѣхомъ*, и разсказываютъ священную исторію съ толкомъ, и родители чуваши не равнодушны къ школѣ: они не только являются на экзаменъ, но и *внимательно слушаютъ*. Для нихъ утѣшеніе—слушать истины религіи на своемъ бѣдномъ, но родномъ, и потому дорогомъ языкѣ“ [2]). Тойсин-

---

[1]) Изъ дѣла Симб. Уд. Конт. 1859 г., № $^{1165}/_{115}$.

[2]) Жур. М. Н. Пр. 1867 г., апрѣль.

ское сельское училище,—пишетъ далѣе Шестаковъ,—представляетъ также наглядный примѣръ важности обученія на родномъ языкѣ. Въ этомъ училищѣ по Закону Божію, священной исторіи и прочимъ предметамъ, преподаваемымъ законоучителемъ, успѣхи учениковъ неудовлетворительны. По предметамъ же, преподаваемымъ учителемъ, успѣхи достаточны; многіе читаютъ очень порядочно, пишутъ на бумагѣ, хотя, и не всѣ хорошо, ариѳметическія выкладки съ употребленіемъ счетовъ дѣлаютъ исправно, по диктовкѣ пишутъ довольно правильно. И всѣ потому, что учитель изъ чувашъ, крестьянинъ Андреяновъ. Тархановское сельское училище, гдѣ законоучителемъ священникъ Соловьевъ, свободно объясняющійся на чувашскомъ языкѣ, приводитъ къ тому же убѣжденію, что начальное религіозное ученіе можетъ съ успѣхомъ итти только на родномъ языкѣ дѣтей. Священникъ,—сказано въ отчетѣ члена училищнаго совѣта священника М. Н. Лебедева,—свободно объясняясь на чувашскомъ языкѣ, съ особеннымъ успѣхомъ передаетъ имъ знаніе о Законѣ Божіемъ и о прочихъ своихъ предметахъ, почему свѣдѣнія мальчиковъ *разумны и хорошо усвоенныя*. Въ этомъ училищѣ, не смотря на инородческій край, мальчики читаютъ внятно и съ пониманіемъ, пишутъ хорошо и счетъ знаютъ достаточно [1]). Только, къ сожалѣнію, школы съ такой разумной постановкой учебнаго дѣла до введенія просвѣтительной системы Н. И. Ильминскаго встрѣчались въ весьма рѣдкихъ инородческихъ селеніяхъ, какъ оазисы среди обширной пустыни.

2007056148